

Содержание

ОТ АВТОРА	9
...и «МЕНИНЫ»	
<i>Диего Веласкес — Маргарита Тереза</i>	11
ЗЕРКАЛО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
<i>Жак-Луи Давид — Жюльетт Рекамье</i>	48
ПОРТРЕТ ВОЛНЫ	
<i>Иван Айвазовский — Юлия Гревс / Анна Бурназян</i>	85
ИЗВЕСТНАЯ	
<i>Иван Крамской — Неизвестная</i>	127
БЕЗ ИМЕНИ	
<i>Джон Сингер Сарджент — Виржини-Амели Готро</i>	166
«МОНАХ» И «МАДОННА»	
<i>Эдвард Мунк — Дагни Юль</i>	215

ОСТАВЬТЕ РУКИ!

Борис Кустодиев — Юлия Прошинская / Ирина Кустодиева / Фаина Шевченко 254

ЗАМУЖ ЗА РАБОТУ

Фернан Леже — Надя Ходасевич 299

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Аркадий Пластов — Наталья фон Вик 363

«СТАРУХА! Я ТЕБЯ ЛЮБЮ»

Анатолий Зверев — Ксения Асеева 400

Благодарности 439

Библиография 440

**Картины, воспроизведённые во вклейке
иллюстраций, и места их хранения** 445

Светлой памяти моего дорогого друга —
художника Виталия Воловича

От автора

Первая часть моих вольных изысканий в области искусствознания, коллекция эссе «Картинные девушки» увидела свет в марте 2020 года. Я тогда не помышляла о том, что буду писать продолжение, хотя и понимала, что успела рассказать далеко не все истории, — ведь тема взаимоотношений модели и мастера поистине неисчерпаема... Появлением второй части «Девушки» обязаны вам, дорогие читатели, — если бы не ваш интерес к моей работе, я бы не стала к ней возвращаться.

В новой книге — десять историй о натурщицах выдающихся художников и, разумеется, о самих художниках, среди которых Сарджент и Пластов, Мунк и Айвазовский, Кустодиев и Давид... А те вопросы, которые я ставила перед собой во время работы, остались неизменными. Кем была та женщина, которую мы видим на хорошо знакомой картине? Какой она была? Сумел бы художник стать мастером без неё?

Выйдет ли однажды третья часть «Картинных девушек»? Зависит от вас!

...и «Менины»
Диего Веласкес — Маргарита Тереза

Всё перед ним и мелко, и бледно, и ничтожно. Этот человек работал не красками, не кистями, а нервами.

Иван Крамской — о Диего Веласкесе

Судьба маленькой дочери испанского короля Филиппа IV была предрешена с самого рождения: Маргариту Терезу ещё младенцем определили в жёны Леопольду I, будущему императору Священной Римской империи. Разумеется, младенцу следовало подрасти и дойти до кондиции, а чтобы родственникам жениха было сподручнее наблюдать за происходящими в невесте переменами, с неё каждый год писали портреты и отправляли их семье Леопольда. Первые шесть портретов юной инфанты исполнил придворный живописец испанского двора Диего Родригес де Сильва Веласкес.

Как по нотам

Веласкес — пожалуй, самый таинственный из всех художников мира. Молчаливый гений, который пи-

сал инфант, королей и карликов, создал пленительный (и при этом абсолютно новаторский!) женский портрет в истории — «Венеру с зеркалом». Он, как установил Хосе Ортега-и-Гассет, использовал чисто фотографические приёмы задолго до изобретения фотографии. Он легализовал жанр портрета. В расцвет инквизиции Веласкес крайне редко делал картины на религиозные сюжеты — ему это было неинтересно. Он вообще писал очень мало — и его наследие при всём желании нельзя назвать обширным (множество картин оказалось к тому же утрачено). Работа в мастерской не была для Веласкеса жизненной необходимостью — он выполнял заказы королевской семьи, не слишком, впрочем, частые, и по большей части писал только для собственного удовольствия.

Творческий путь Веласкеса лишён традиционных для художников исканий и страданий, по крайней мере на первый взгляд. Да и вообще, жизнь его, по словам того же Ортега-и-Гассета, «одна из наиболее незамысловатых, что когда-либо прожил человек». Изучая биографию художника, поражаешься редкой удачливости, везению — не зря Веласкесу так страстно завидовали при испанском дворе. Всё в его жизни было сыграно как по нотам. При этом тайна испанского гения до сих пор не раскрыта, его работы спустя века сокрушают и знатоков, и художников, и простодушных зрителей. Искусствознатцы гадают, *что* хотел сказать мастер. Коллеги-потомки делают бесчисленные вариации «Менин», как Пикассо*, или испытывают самую настоящую одержимость «Портретом

---

* Пикассо создал более 50 интерпретаций картины «Менины». (Здесь и далее примечания автора.)

папы Иннокентия X», как Фрэнсис Бэкон*. А посетители, купившие билет в музей Прадо, пытаются заглянуть по ту сторону картины — и выяснить, есть ли там лампочка, освещающая написанную масляными красками фигурку самой знаменитой из всех испанских принцесс?

Мальчик, получивший в крещении имя Диего Родригес де Сильва Веласкес, родился 6 июня 1599 года в Севилье. Интересно, что отец его — дон Хуан Родригес де Сильва — был португальским дворянином, эмигрантом, выходцем из Оporto, что даст впоследствии некоторым испанцам повод называть самого Веласкеса португальцем. Мать будущего художника — донья Херонима Веласкес — принадлежала к знатной севильской семье**, один из её предков, тоже носивший имя Диего Веласкес, был прославленным конкистадором, основателем рыцарского ордена Калатравы и первым губернатором Кубы. Конечно, родителям хотелось, чтобы их сын и наследник приумножил семейную славу, но достойные дон и донья никогда не смогли бы представить, каким образом эта мечта сбудется.

Когда у юного Диего вдруг проснулся интерес к рисованию, который сочетался ещё и с яркими природными способностями (а так бывает далеко не всегда!), донья Херонима в восторг не пришла. Маляров в знат-

---

* Бэкон постоянно обращался к «Портрету папы Иннокентия X», сделав около 50 искажённых версий этой картины. При этом оригинал он видел лишь раз, считая, что более близкое знакомство повредит его интерпретациям.

** Веласкес носил фамилию матери, поскольку она была более знатной.

ном семействе пока что не было, и разве это подходящее занятие для благородного идадьго? Отец Диего проявил бóльшую гибкость и даже смог убедить супругу отдать мальчика в 1609 году в обучение знаменитому художнику Франсиско Эррере. Именно у него Веласкес перенял интерес к не слишком популярной тогда бытовой живописи и образам «простого человека».

Никто не сказал бы, что Эррера Старший (так его звали в Севилье, чтобы отличать от младшего, полного тёзки и тоже художника) славится лёгким характером. Душкой он точно не был — ученикам перепали не только крепкие словечки, но и удары тростью по плечам. По меткому определению Ортеги-и-Гассета, Эррера был хорошим живописцем, но не слишком хорошим человеком, тогда как следующий севильский учитель Диего — Франсиско Пачеко — был, напротив, замечательным человеком, но довольно посредственным живописцем. При этом Пачеко проявил себя прекрасным чутким педагогом: он весьма быстро понял, какой алмаз попал к нему в мастерскую. Дон Пачеко оставил множество письменных свидетельств тому, как развивалась карьера Диего, в которой он принял более чем деятельное участие. «Не считаю ущемлением учителя хвалиться превосходствами ученика (говорю только правду, не больше), ничего не потерял Леонардо да Винчи, имея учеником Рафаэля, Иоре Кагель Франко* — Тициана, Платон — Аристотеля», — писал этот благородный (безо всякой иронии) дон. Пачеко принялся обучать Веласкеса с того самого места, где остановился Эррера Старший; он будет последовательно передавать ему все свои немалые знания, умения и опыт.

---

* Известный нам как Джорджоне.

Дом Пачеко в Севилье назывался, по словам испанского историка Родриго Каро, «академией образованнейших людей не только Севильи, но и всей Испании». Здесь бывал Сервантес, здесь Веласкес познакомился с художниками Алонсо Кано и Франсиско Сурбараном, имена которых тоже будут вписаны в историю испанской живописи — пусть и не такими большими буквами, как в его случае. Дружбу с Кано и Сурбараном Веласкес пронесёт через годы.

Здесь же, в доме мастера, он впервые увидит свою будущую жену — юную дочь наставника, Хуану де Миранда. В 1618 году молодые люди обвенчаются (Хуане — 15, Диего — 19 лет), а биографы Веласкеса получат впоследствии повод писать о том, что учитель, дескать, «женил» одарённого юношу на своей дочери — и привязал таким образом к себе на всю жизнь. Так или иначе, но Хуана станет мужу настоящей опорой, она будет любить его и оберегать с первого дня и до последнего, как обещала у алтаря. Она даже умрёт спустя неделю после его смерти — в той комнате, где перестало биться сердце Диего. Ортега-и-Гассет писал, что «в жизни Веласкеса была только одна женщина — его жена, только один друг — король и только одна мастерская — дворец». Так ли это было на самом деле? Ответ, как думается, надо искать не столько в работах историков и искусствоведов, сколько в живописи Веласкеса.

Его первые работы — трактирные сценки, так называемые бодегонес (от испанского *bodegon* — «трактир, харчевня»). Не слишком-то уважаемый жанр, у которого, разумеется, имелись свои поклонники — и строго определённые приметы: персонажи, представлявшие собой чаще всего так называемых «пикарос» (низы общества), размещались на тёмном фоне, а натюрморту